

МИРЫ
КАССАНДРЫ КЛЭР

КАССАНДРА КЛЭР

ГОРОД
НЕБЕСНОГО ОГНЯ

ОРУДИЯ СМЕРТИ

КНИГА VI

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К51

Cassandra Clare

THE MORTAL INSTRUMENTS
City of Heavenly Fire

*Печатается с разрешения автора и литературных
агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA*

Клэр, Кассандра.

К51 Орудия смерти. Город Небесного огня : [роман] /
К. Клэр ; [пер. с англ. И. Судакевича]. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2019. — 736 с. — (Миры Кассандры
Клэр).

ISBN 978-5-17-112062-7

Тьма возвращается в мир Сумеречных охотников. Их общество снова распадается, и тогда Клэри, Джейс, Саймон и их друзья должны снова собраться вместе для величайшей битвы с ужасным злым противником — родным братом Клэри.

Себастьян Моргенштерн заставляет нефилимов идти против братьев. Используя Чашу Смерти, он разделяет семьи и возлюбленных и превращает Сумеречных охотников в порождения мрака, чтобы пополнить ряды своей мрачной армии.

Любовь будет принесена в жертву, и многие отдадут жизнь в страшном сражении за судьбу этого мира в захватывающем заключительном романе серии «Орудия смерти».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© 2014 by Cassandra Clare, LLC
© И. Судакевич,
перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-112062-7

Элиасу и Джоуну

*В Боге слава, ведь если человек мечтает,
Искру огня небес в душе он обретает.*

*Джон Драйден,
«Авессалом и Ахитофел»*

ПРОЛОГ

КАК СНЕГ НА ГОЛОВУ

В день, когда погибли родители Эммы Карстэйрс, погода стояла отличная. С другой стороны, погода в Лос-Анджелесе почти всегда радует.

Ясным зимним утром они высадили Эмму возле Института за Прибрежным шоссе. На небе — ни облачка, сплошная безбрежная синь, протянувшаяся от утесов Пасифик-Палисадес до пляжей Пойнт-Дюма.

Ночью доставили сводку о демонической активности в районе береговых пещер Лео-Каррильо. Расследование поручили Карстэйрсам. Позже в памяти Эммы всплыло, как мама, поправляя выбитую ветром прядь, предложила отцу начертать Руну отваги, на что Джон Карстэйрс лишь рассмеялся и ответил, что не очень-то доверяет всем этим новомодным рунам. Дескать, спасибо, но ему вполне хватает и «Серой книги».

Впрочем, в тот момент Эмме было недосуг слушать споры про защитные руны и прочие обереги. Наскоро обняв родителей, она побежала вверх по ступенькам, не обращая внимания на бьющий по лопаткам рюкзачок.

Эмма до сих пор была в восторге, что удалось устроиться стажером в Институт. И дело не в том, что здесь жил Джулиан, ее лучший друг, — всякий раз, оказываясь внутри этих стен, она испытывала пьянящее чувство полета над океаном, который был рядом, только руку протяни. Институт представлял собой массивное сооружение из камня и дерева в конце усыпанной гравием дороги, вившейся между холмами. Все его окна выходили на океан и небо, отчего дух захватывало. Девочка мечтала как-нибудь разок забраться вместе с Джулианом на крышу — жаль только, что родители запрещали, а ей так хотелось проверить, можно ли оттуда разглядеть границу пустыни в южной стороне.

Входная дверь ее узнала и послушно поддалась при первом же прикосновении. Вестибюль и коридоры нижних этажей были многолюдны — Сумеречные охотники сновали по своим делам. Должно быть, какое-то совещание, решила Эмма. Из толпы ее глаза выхватили Эндрю Блэкторна, отца Джулиана и главу Института. Не желая терять время на приветствия, она шмыгнула в раздевалку на втором этаже, где сменила свои джинсы и футболку на униформу стажера: безразмерную рубашку, хлопчатобумажные штаны свободного покроя и — самая важная деталь экипировки — заплечный меч.

Кортана. Это слово означало «малый меч», хотя, с точки зрения Эммы, ничего малого в нем не было: лезвие длиной с ее собственное предплечье. Гравировка на искрящемся металле до сих пор вызывала у девочки произвольные мурашки: «Я — Кортана, той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль».

Отец объяснил, что это значит, когда впервые вложил клинок в руки десятилетней дочери.

— Будешь с ним тренироваться с моего разрешения, пока не достигнешь восемнадцати. И уже тогда он станет твоим, — сказал он и, с улыбкой наблюдая, как Эмма водит пальцем по надписи, спросил: — Что, непонятно?

Она помотала головой. «Сталь» — это понятно, но вот «закалка»... При чем тут физзарядка и утренние обливания холодной водой, на которых всегда настаивал отец, мол, закаляйся! Разве у стали бывает насморк?

— Ты ведь слышала про Вэйландов? — продолжил отец. — Они были знаменитыми оружейниками еще до того, как Железные сестры взялись ковать все клинки Сумеречных охотников. Из горнила Вэйланда-Кузнеца вышли *Экскалибур* и *Жуаёз*, мечи короля Артура и Ланселота, а также *Дюрандаль*, принадлежавший героическому Роланду. Так вот, этот меч тоже выковали Вэйланды, из той же самой стали. А любую сталь полагается закалять, то есть сильно-сильно нагреть, чуть ли не до расплавления, чтобы сделать прочнее... — Он поцеловал дочь в макушку. — Мы, Карстэйрсы, носили этот меч многие поколения, и гравировка напоминает нам, что Сумеречные охотники суть оружие Ангела. Пусть нас закаляет огонь — от этого мы лишь прибавляем в силе. Страдания нас не сломят, мы всегда выживем.

Эмма чуть не прыгала от нетерпения: скорей бы пролетели эти шесть лет, что отделяли ее от восемнадцатого дня рождения, когда ей уже можно будет странствовать по миру, уничтожая демонов, когда ее саму опалит то самое закаляющее пламя. Но пока что пришлось довольствоваться тем, что, надев перевязь с мечом, Эмма покинула раздевалку, на ходу воображая, как все будет. Вот она стоит на вершине утеса на мысе Пойнт-Дюм — его даже отсюда вид-

но, — и *Кортаной* отражает атаку целого полчища раум-демонов. А плечом к плечу с ней бьется Джулиан — естественно! — разя врагов из своего любимого арбалета.

Эмма и представить не могла, что Джулса по какой-то причине не будет рядом. Они были знакомы... в общем, сколько она себя помнила. Блэкторны и Карстэйрсы всегда держались вместе, а Джулс был всего-то на пару-другую месяцев постарше; можно сказать, Эмма всю жизнь в буквальном смысле провела в компании своего друга. Еще в младенческом возрасте они сообща учились плавать в океане, потом встали на ноги, потом выучились бегать — тоже вместе. Эмму носили на руках его родители, а старшие брат с сестрой поучали уму-разуму, когда они с Джулсом уж очень шалили.

Что, кстати, случалось сплошь и рядом. Взять хотя бы тот случай, когда они сделали ярко-синим семейного кота Блэкторнов, белого и пушистого Оскара. В ту пору им было по семь лет. Всю вину принял на себя Джулс; он вообще отличался этим свойством — проявлять благородство. В конце концов, рассудительно пояснил мальчик, Эмма — единственный ребенок в семье, зато у него самого имелось еще шестеро братьев и сестер, так что старшие Блэкторны куда быстрее забудут про свой гнев, нежели старшие Карстэйрсы.

А еще Эмма хорошо помнила те дни, когда умерла мама Джулса — это произошло вскоре после рождения Тавви. Пока в каньоне пылал погребальный костер и в небо тянулся столб дыма, она стояла, сжимая руку друга в своей ладони. Джулс плакал, а она думала о том, что мальчишки плачут по-другому, не как девчонки, — из горла Джулса вылетали не то всхлипы, не то надрывные стоны, слов-

но ему раздирали тело крючьями. Не исключено, что мальчишкам вообще приходится труднее, ведь им, если по правилам, не полагается плакать...

— Ой! — Эмма чуть не опрокинулась на спину, когда, увлеченная собственными мыслями, нечаянно наткнулась на Блэкторна-старшего, высокого мужчину с такой же растрепанной шевелюрой, как у большинства его детей. — Простите, пожалуйста, мистер Блэкторн, я не нарочно!

Тот добродушно усмехнулся:

— В жизни не видал человека, который бы так спешил на занятия.

Последние слова она уже не услышала, успев умчаться в глубь коридора.

Учебный класс был одним из любимейших помещений Эммы во всем институтском корпусе. Он занимал чуть ли не целый этаж, а его восточные и западные стены были сделаны из прозрачного стекла. Куда ни бросишь взгляд, повсюду видна синева моря. Линия побережья плавно изгибалась с севера на юг, а на запад, за горизонт, к невидимым отсюда Гавайям, уходил безбрежный простор Тихого океана.

В центре зала, отражаясь в идеально отполированном паркете, стояла семейная воспитательница Блэкторнов, властолюбивая и суровая Кейт, в данную минуту увлеченная уроком метания ножей, который она преподавала двойняшкам. Ливви прилежно следовала указаниям, а вот Тай хмурился и держался строптиво.

Джулиан, одетый в свободный тренировочный костюм, лежал на боку возле западного панорамного окна, что-то втолковывая Марку, который делал вид, что с головой ушел в свою книжку и ни чуточки не замечает болтовни младшего сводного брата.

— А тебе не кажется, что имя Марк плохо подходит Сумеречному охотнику? — услышала Эмма, приблизившись к ребятам. — Сам подумай. Ведь что значит «Марк»? «Знак», «отметина» и так далее. Вот подойдет кто-нибудь и скажет: «А ну-ка, Метка, где твоя отметка?» Тебе понравится?

Марк тряхнул светлой шевелюрой и гневно уставился на Джулиана, который рассеянно поигрывал стилусом, держа его как кисточку, о чем Эмма не переставала делать ему замечания. Это же, можно сказать, продолжение руки Охотника, а вовсе не орудие маляра.

Марк театрально вздохнул. Ему перевалило за шестнадцать, и он считал себя достаточно взрослым, чтобы воспринимать любые поступки Эммы и Джулиана как проявление детской глупости.

— Если тебя это волнует, можешь звать меня полным именем, — сказал он.

— Марк Энтони Блэкторн? — скривился Джулиан. — Слишком длинное. А если на нас демоны нападут, что тогда? Пока я доберусь до «Блэкторна», тебя уже прикончат.

— Думаешь, если они нападут, это ты будешь меня спасать? — вскинул брови Марк. — Ничего не перепутал? Еще посмотрим, кто до кого доберется. Салага!

— Мало ли чего на свете не бывает, — подтягивая коленки к груди, пробурчал Джулиан, задетый пренебрежительным тоном.

Волосы у него торчали во все стороны, как у деревенского пугала. Хелен, старшая сестрица, регулярно атаквала Джулса щетками и расческами, но все без толку. У него была типично блэкторновская шевелюра, как у отца и большинства братьев и сестер, — другими словами, непокорная поросль каш-

танового цвета, или цвета темного шоколада, как определяла Эмма. Их фамильное сходство всегда завораживало девочку, которая мало чем походила на отца с матерью, разве что цветом кудрей: ее отец был блондин.

Последние месяцы Хелен пребывала в Идрисе вместе с Алиной, своей подругой. Они обменялись семейными кольцами и, как выражались Эммины родители, «были настроены весьма серьезно», имея в виду, что девушки смотрели друг на друга увлажненными глазами. Понаблюдав за ними, Эмма решила, что, если ей когда-либо доведется влюбиться, она ни за что не позволит себе подобную слащавость. Она чувствовала, что окружающие придают какое-то особое значение тому факту, что и Хелен и Алина были девушками, однако не могла взять в толк отчего. Блэкторнам, судя по всему, Алина нравилась. Рядом с ней всегда было спокойно, и Хелен в ее присутствии уже не так напоминала сердитого ежика.

Отсутствие Хелен, впрочем, означало, что о прическе Джулса заботиться некому, и солнечный свет, заливавший учебный зал, казалось, окунул кончики его растрепанных вихров в расплавленное золото. Сквозь панорамные окна восточной стены виднелись тенистые прогалины гор, чья вереница отделяла море от Санфернадской долины: сухие, пыльные, изрезанные каньонами холмы, испещренные кактусами и зарослями прочих колючек. Порой Сумеречные охотники выходили на полевые тренировки, и Эмма особенно любила такие дни, когда можно было отыскать тайные тропы, которые вели к таинственным водопадам, где на близлежащих камнях уютно пригрелись разленившиеся ящерицы. Джулиан владел искусством приманивать их к себе в ла-

донь, где они застывали, пока он тихонько гладил им затылок большим пальцем.

— Берегись!

Эмма инстинктивно пригнулась, и над ее головой просвистел нож с деревянным лезвием. Учебный клинок врезался в окно и, отскочив, угодил Марку в ногу. Юноша отложил книгу и поднялся, обводя зал хмурым взглядом. Вообще говоря, на занятиях он считался помощником Кейт и должен был присматривать за порядком, хотя предпочитал просто читать в сторонке, а не возиться с преподаванием.

— Тиберий, — мрачно сказал он. — Прекрати швыряться в меня ножами.

— Он не нарочно. — Ливви решительно встала между Марком и своим братом-близнецом.

Тиберий был столь же смугл, насколько Марк светлокж, и он был единственным из Блэкторнов, если не принимать во внимание Марка с Хелен — эти двое из-за своей крови фейри не считались, — кто не обладал каштановыми кудрями и аквамаринными глазами, характерными семейными признаками. У Тая была волнистая смоляная шевелюра и серые глаза, отливавшие сталью.

— Не извольте сомневаться, — заявил Тай. — Я целился в него преднамеренно. И даже попал.

Марк раздраженно втянул воздух через стиснутые зубы и обеими руками подергал себя за волосы. Глаза у него были типичные блэкторновские, ярко-зеленые, зато волосы, как и у Хелен, были светлыми, материнскими. Поговаривали, что их родительница была принцессой Летнего двора; плодом ее интрижки с Эндрю Блэкторном стали двое детей, которых она как-то ночью оставила на ступенях Института, после чего навсегда исчезла.

Отец Джулиана принял полукровок в свою семью и воспитал из них Сумеречных охотников. Эта кровь была доминантной, и, хотя Совет косо смотрел на подобные вещи, подкидышам позволили оставаться под крылом Конклава до тех пор, пока их кожа сможет носить на себе руны. И Хелен, и Марк получили свои первые знаки в десятилетнем возрасте, и их кожа действительно все выдержала, хотя Эмма, присутствовавшая на церемонии, отметила про себя, что рунизация сказалась на Марке куда болезненнее, чем на обычном Сумеречном охотнике. Пока стилус выписывал знаки и фигуры, мальчишка морщился, хотя отважно пытался это скрыть. В последнее время, кстати, она много чего еще начинала находить в Марке, к примеру, как привлекательно смотрится его немного странное, отмеченное эльфийскими чертами лицо и насколько широки его плечи под складками бесформенной футболки. Она и сама не понимала, с какой стати вдруг начала обращать внимание на подобные особенности, и за это дулась на саму себя. Порой от досады хотелось даже прикрикнуть на Марка, а иногда тянуло куда-то убежать и спрятаться. Хуже всего было, когда накатывало желание проделать и то, и другое одновременно.

— Смотри, дырку протрешь, — сказал Джулиан, поглядывая на нее поверх вымазанных краской колен.

Эмма встрепенулась, выбитая из размышлений:

— А? Какая дырка?

— В Марке, естественно. Опять на него оставилась.

В его голосе звучала досадливая обида.

— Не ори! — прошипела она и выхватила из руки Джулса стилус.